

Екатерина Вильмонт

9

Первая любовь

+
ДЕТЕКТИВ

10

Мачехина

7

3

Наташа

4

Мастурин

2

1

НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА

Екатерина Николаевна Вильмонт
Находка для шпиона
Серия «Гошка, Никита и Ко», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158937

Находка для шпиона: Издательство АСТ; М.; 2018

ISBN 978-5-17-107313-8

Аннотация

Взрываются машины, ведется непрерывная слежка, не прекращаются погони, драки... Что случилось? Да ничего особенного. Просто одним осенним вечером тринадцатилетний парень Гошка Гуляев нашел в сквере кошелек с паспортом и какими-то бумагами. Нашел и, как полагается, решил вернуть находку хозяину. Вот с этого-то все и началось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Екатерина Вильмонт

Находка для шпиона

© Вильмонт Е.Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Кожаный бумажник

Было темно. Шел дождь со снегом. Гошка спешил домой. Он возвращался с курсов немецкого языка, куда они с двоюродным братом Никитой записались после путешествия на Майорку. Там они поняли, что в наше время без иностранных языков очень плохо, а немецкий выбрали потому, что Гошке предстояло в январе поехать в Германию к отцу и совсем невредно было бы хоть что-то уже знать по-немецки. Гошкина мама и родители Никиты эту идею одобрили и дали денег. Занятия на курсах проходили по вечерам три раза в неделю. «Их бин, ду бист, ер ист», – твердил про себя Гошка и не заметил, как нос к носу столкнулся со своей одноклассницей Розой Мотиной по прозвищу Тягомотина.

– Ой, Гуляев, это ты?

– Я. Привет, а ты что в такую погоду шляешься? – не слишком радостно приветствовал Розу Гошка.

– Я... я... Я собаку потеряла! – всхлипнула Роза.

– Как это? – удивился Гошка. У Розы был чудесный пес, колли, тихий и покладистый. – Как тебя угораздило?

– Да я на минутку отвернулась, а он...

– Что?

– Слинял куда-то! Наверняка кто-то тут сучку течную

прогуливал, вот он за нею и помчался... Что я скажу? Папа не велит его с поводка спускать, а мне его жалко... Ронни! Ронни!

– И давно ты его ищешь?

– Давно, – всхлипнула Роза.

– А твои родители наверняка с ума сходят. Ты бы им позвонила, что ли...

– Я боюсь...

– Да ты что! Они знаешь как обрадуются, что пропала только собака.

– Ты думаешь?

– Уверен!

– Гош, а ты мне поможешь Ронни поискать? Мне одной страшно...

– Помогу, куда денусь, – вздохнул Гошка. Он просто был так воспитан – девочкам, даже таким занудам, надо помогать... и еще почему-то у него возникла мысль: «Я сейчас обязательно вляпаюсь в какую-нибудь историю». – Ну, Роза, что делать-то будем?

– Давай в сквер сбегает, может, он там...

– Пошли!

В сквере в такую гнусную погоду гуляли только собаки со своими несчастными хозяевами.

– Роза, а где же твой Ронни? – спросил Тягомотину старичок с миттельшнауцером на поводке.

– Потерялся, – всхлипнула Роза, – я уже целый час его

ищу! А вы его не видели?

– Нет, – покачал головой старичок. – Не видел. Да вот же он, Роза, бежит...

– Ронни! Ронни! – закричала Роза. – Иди скорей, мой маленький, мой хорошенький, фу, какой ты грязный!

Неизвестно, кто больше радовался – собака или хозяйка. Но, наверно, больше всех обрадовался Гошка.

– Роз, ну я пойду, а?

– Ага, иди, Гуляев, спасибо за помощь!

– Да какая там помощь, – скромно сказал Гошка. – Домой-то одна дойдешь? – Гошка еще вспомнил, что девчонок надо до дома провожать, хотя ему этого смертельно не хотелось.

– Да, спасибо.

– Тогда пока! – возликовал Гошка и припустился бегом, но вдруг обо что-то споткнулся и с трудом удержался на ногах. – Ну ни фиги себе! – даже присвистнул он, разглядев предмет, благодаря которому чуть не въехал носом в землю.

Он нагнулся и поднял его. Это был кожаный коричневый бумажник. И, едва взяв бумажник в руки, он вспомнил, что лучше не вязаться с такими находками. В Москве много было историй о том, как человек находил бумажник с деньгами, радовался до полусмерти, а потом тут же откуда ни возьмись появлялся хозяин бумажника, заявлял, что у него пропали деньги, и нашедшему приходилось отдавать свои, кровные... Он тут же бросил бумажник и отошел в сторонку. Но никого

кругом не было.

«А может, кто-то в самом деле потерял бумажник? Тогда лучше, чтобы я его нашел, чем какой-нибудь жулик. Я, если там есть документы, просто верну его, и дело с концом, – благонамеренно решил Гошка, огляделся по сторонам и как-то воровато схватил бумажник. Вокруг все было тихо. – Да, – через минуту решил Гошка, – кто-то его потерял. – Он ошупал бумажник. – Туго набитым его не назовешь, ну и слава богу, а то еще посчитаешь чужие денежки, и не захочется отдавать. Да и вообще, откуда я знаю, сколько там было? Может, кто-то уже поживился? Взял денежки, а бумажник выбросил? Ладно, отнесу домой, а там разберусь, что к чему», – принял решение Гошка, сунул бумажник в карман куртки и

со всех ног понесся домой. Он и так слишком долго гулял по такой мерзкой погоде. Даже дрожь пробрала.

Подбегая к дому, он поднял глаза и увидел, что в окнах горит свет. Значит, мама уже дома. С одной стороны, хорошо – не надо самому себе варганить ужин, а с другой – сразу бумажником заняться не получится.

– Мам, это я! – крикнул он с порога.

– Гошка, где ты был? Я уже волновалась.

– Мам, ты же знаешь, у меня дойч!

– А потом? Ты сегодня очень припозднился!

– Ага, я Тягомотину встретил, она псину свою потеряла, вот я и помогал ее искать.

– Нашли?

– Нашли!

– Ну и славно. Ой, да ты весь вымок! Давай быстренько переоденься! Есть хочешь?

– Как сто волков!

Гошка юркнул к себе в комнату, сунул бумажник в ящик стола и на всякий случай запер ящик, хотя мама не имела привычки шарить в его столе, но, как говорится, береженого бог бережет.

– Гоша, ты скоро? – позвала с кухни мама.

Он забежал в ванную вымыть жутко грязные руки, мигом переоделся и вскоре уже сидел за столом и уплетал макароны с сыром, запивая их томатным соком.

– Вкусно! Мам, положи мне еще! Да, мам, представляешь

себе, у нас теперь не будет уроков по субботам! Мы добились!

– То есть как добились? – округлила глаза мама.

– Ну, сейчас в большинстве школ по субботам не учатся, а мы чем хуже? Ну, старшеклассники написали прошение на имя директора, подписи собирали и все такое... Это еще с прошлого года тянулось, ну и, когда новый учебный год начался, девятые и десятые вообще забастовку объявили, и нам пошли навстречу... Будем учиться только пять дней, класс!

– Боже мой, если бы в мое время кто-то затеял что-то подобное, и его и его родителей просто со свету бы сжили... А теперь...

– Это еще что! А вот у нас на курсах девчонка одна учится, так у них в лицее вообще кайф! Пять недель учатся, а потом неделя каникул!

– Каждые пять недель? – поразилась мама.

– Именно!

– Невероятно! Только на этом фоне ваша несчастная суббота... не слишком роскошное завоевание, тебе не кажется?

– Ладно, сойдет, – махнул рукой Гошка и принялся мыть посуду.

У них с мамой было заведено так: если ужин готовила мама, Гошка мыл посуду, а если готовил Гошка, посуду мыла мама. Когда с домашними делами было покончено, Гошка закрылся у себя и достал бумажник. Положил его на газету и не без трепета открыл. Первое, что бросилось ему в глаза,

был паспорт.

«Здорово, – подумал Гошка, – по крайней мере удастся все вернуть владельцу». Паспорт оказался на имя Горенича Анатолия Васильевича, 1962 года рождения и прописанного по адресу: ул. Берзарина, д.7, корп. 2, кв. 163. «Где это – улице Берзарина? Что-то знакомое...» Но Гошка никак не мог вспомнить. Можно, конечно, спросить у мамы, но тогда придется что-то ей объяснять, а этого очень не хотелось. Звонить кому-то было уже поздно, и Гошка решил все отложить до завтра. Он вдруг ощутил какую-то странную тревогу, и ему захотелось как можно скорее вернуть бумажник владельцу. «Ну-ка, посмотрим все же, что там еще». Кроме паспорта, в бумажнике обнаружили еще фотография девочки лет шести, несколько почтовых квитанций и какая-то бумажка с цифрами и буквами, похожая больше всего на шифровку. И еще там было пятьдесят долларов одной бумажкой и три тысячи рублей. «Вот небось мужик обрадуется, и документы и деньги, все получит в целости и сохранности. Наверняка напился человек и посеял бумажник». Гошка был заранее рад, воображая, как просветлеет лицо Анатолия Васильевича Горенича при виде своей пропажи.

Утром он первым делом позвонил Шмакову.

Тот удивился:

– Ты чего, Гош?

– Леха, выйди минут на десять пораньше, а?

– На фиг?

– Поговорить надо, я тут вчера кое-что нашел...

– Понял. Выхожу через пять минут.

– Жду!

Во дворе они сразу свернули за угол, чтобы по дороге в школу их не отловил кто-то из знакомых.

– Ну, чего ты там надыбал? – спросил Леха, от нетерпения даже подпрыгивая не месте.

– Бумажник!

– Бреешь!

– Очень надо!

– И где он?

– Дома, где же еще? Не попру же я его в школу.

– Светленькая мысль! И чего там?

– Паспорт, деньги, бумажки какие-то.

– Денег-то много?

– Ага! Пятьдесят гринов и три тыщи деревянными.

– Ну... а я-то думал... – разочарованно протянул Леха.

– Что ты думал?

– Думал, вдруг там тыщ десять «зеленых»...

– И что тогда? – поинтересовался Гошка.

– Сам, что ли, не понимаешь? Тогда бы мы с тобой...

– Нет, Леха. Мы же с тобой не воры, – твердо заявил Гошка.

– При чем тут воры? Этот мужик сам лопатник потерял, а мы нашли...

– Положим, нашел его я, – восстановил истину Гошка.

– И ты бы с другом не поделился?

– Леха, знаешь, как называется то, что ты тут развел?

– Ну?

– Де-ма-го-гия! Вот если бы в бумажнике не было паспорта, тогда другое дело.

– Слышь, Гошка, а за каким чертом ты меня вызвал? Ты нашел, вот и распорядись по своему усмотрению!

– Я просто хотел тебе предложить смотаться туда вместе со мной. Но если ты не хочешь...

– А это где?

– Улица Берзарина, знаешь такую?

– Берзарина, говоришь? Ага, знаю, метро «Октябрьское Поле».

– Откуда дровишки?

– У меня там родственники живут.

– Случайно не в седьмом доме?

– В седьмом!

– Корпус два?

– Не-а, корпус один.

– Так ты со мной поедешь?

– Куда же я денусь?

После уроков они забежали к Гошке, наскоро поели супу с клецками и побежали к метро.

– Слышь, Гошка, – задумчиво проговорил уже в вагоне метро Леха, – вообще-то в таких случаях вознаграждение

полагается.

– Да, – кивнул Гошка, – вроде полагается.

– И ты его тоже не возьмешь?

– Посмотрим.

– Чего смотреть-то?

– Все будет зависеть от того, в какой форме это вознаграждение предложат.

– В какой еще форме?

– Ну, не знаю, посмотрим...

Гошка не знал, как объяснить Лехе насчет человеческого достоинства в такой, можно сказать, щекотливой ситуации. Люди разные бывают, среди них немало встречается неблагодарных хамов. И надо быть ко всему готовым. Хотя получить вознаграждение было бы совсем неплохо.

С помощью Лехи они быстро добрались до места. Домофон в подъезде был сломан. Они поднялись на восьмой этаж, позвонили в железную дверь, за которой располагалось четыре квартиры. В двери был глазок. Им никто не открыл. Они позвонили еще раз. Но вот за дверью послышались шаркающие шаги и немолодой женский голос спросил:

– Вы к кому?

– К Гореничу Анатолию Васильевичу.

– А зачем он вам?

– Мы нашли его документы, хотели вернуть...

– Минуточку, одну минуточку!

Женщина повозилась с замком и открыла дверь. Интел-

лигентного вида очень пожилая женщина в теплом халате и с сигаретой в руке. Она выжидательно смотрела на них. Гошка вынул из сумки бумажник:

– Вот...

Женщина вдруг страшно побледнела. Протянула руку к бумажнику, но вдруг резко ее отдернула.

– Это ваше? – решил узнать Леха.

– Да, да, да... вот что, молодые люди, пройдите в квартиру.

– Хорошо, – кивнул Гошка, по-прежнему держа в руке бумажник.

Они вошли в квартиру, чисто прибранную, но пропахшую табачным дымом.

– Ботинки снимать? – осведомился Леха.

– Нет, нет, не стоит... А куртки повесьте вот сюда.

Наконец она провела их в комнату, обставленную довольно скромно, и усадила на диван. Сама же она села за стол и от еще не потухшей сигареты прикурила новую. Глубоко затаилась и сказала:

– Откуда это у вас?

– Я нашел бумажник вчера вечером, совершенно случайно, я шел и споткнулся... ну и вот...

Женщина не спускала с Гошки глаз, словно ощупывала его взглядом. Ему было как-то не по себе.

– И что дальше?

– Дальше я вот привез бумажник вам. Собственно говоря,

мы пойдём...

– Погоди. Где ты нашел бумажник?

– На улице.

– На какой?

– А зачем вам? – удивился Гошка.

– Прошу тебя, ответь!

– Ну, в Живаревом переулке.

– В Живаревом?

– Да, в Живаревом.

– Вчера?

– Вчера вечером.

– И как, по-твоему, он там долго лежал?

– Я не думаю, что долго.

– А мог бы ты показать это место?

– Мог бы, наверное.

«Как все странно, – подумал Гошка. – И чего она из меня душу тянет?»

– Молодые люди, вы не очень торопитесь?

– Торопимся, – заявил вдруг Леха, который чувствовал себя очень неловко. Сидит, молчит, как пень, и вроде чего-то ждет. Ясно – никакого вознаграждения им тут не обломится, так чего зря время терять?

– Торопитесь? Какая жалость. А вы не могли бы оставить свои координаты, номер телефона, к примеру?

– Зачем это? – не слишком вежливо спросил Леха. – Мы вам вернули ваше имущество, и дело с концом. Пошли, Гош-

ка! А вы, между прочим, в лопатник даже не заглянули.

– Что? – растерялась женщина.

– В бумажник, – перевел Гошка.

– Ах да, верно...

Она взяла с дивана бумажник, раскрыла его, достала паспорт, и вдруг плечи у нее задрожали, пепел с сигареты упал на стол возле пепельницы, а по щекам покатались крупные слезы.

«Влипли, – подумал Гошка с тоской. – Сейчас выяснится какая-нибудь пакость...»

– Мальчики, милые, вы даже не понимаете, что вы для меня сделали. Вы мне вернули надежду!

– Какую надежду? – оторопел Леха.

– Дело в том, что мой сын... Это его бумажник...

Они выжидательно смотрели на женщину.

– Мой сын уже три дня как пропал...

Глава 2

Лидия Павловна

– Пропал? – переспросил Леха. – А вы в ментуру-то обращались?

– Обращалась, – вздохнула женщина, – но они говорят, что еще рано. Мол, мало ли куда мог податься взрослый мужик... А я знаю, я чувствую – он попал в беду. Я до вашего прихода даже думала, что его... что его больше нет в живых, а теперь у меня появилась надежда... Вы и представить себе не можете, как я вам благодарна... Понимаете, сейчас про Толю нельзя уже сказать, что он исчез бесследно, след обнаружился. Я, конечно, не знаю, что делать... как быть...

– Можно обратиться к частному детективу, – робко предложил Гошка.

– На частного детектива у меня денег нет, – потупилась женщина. – Разве что занять... Но мне не у кого... И вообще это отпадает.

– А вашего сына могли похитить? – задал вопрос Леха.

– Похитить? Я не знаю... В наше время все возможно. – Женщина опять прикурила новую сигарету от старой. – Хотя я не понимаю, кому и зачем это нужно. Нет, вряд ли...

– Зачем вы так много курите? Вредно же, – вырвалось у Шмакова.

– Вредно? Жить вообще вредно, особенно когда теряешь единственного сына. Ладно, ребятки, спасибо вам большое. Я знаю, вы молодцы, честные ребята. Вот... – Она вытащила из бумажника пятьдесят долларов и протянула им. – Возьмите!

– Да вы что, тетенька? – взвился Леха. – Думаете, мы уж совсем рыла неумытые? Чтоб взять с вас бабки, когда такое дело? Ни в жисть! Правильно я говорю, Гошка?

– Конечно.

– А еще говорят, что нынче дети плохие... Спасибо вам, дорогие мои. Я даже не спросила, как вас зовут.

– Лично меня Лехой звать, а вот его – Гошкой.

– А я – Лидия Павловна.

– Очень приятно, – благовоспитанно проговорил Гошка. – Лидия Павловна, знаете, дайте нам ваш телефон, и мы вам свои телефоны оставим. Мало ли что вдруг понадобится...

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Лидия Павловна.

– Да я вот думаю... Каким образом ваш сын потерял бумажник? Либо он был пьяный...

– Не исключено, – вздохнула женщина.

– Либо в драке...

– Либо же нарочно выбросил, чтобы сигнал подать! – вдохновенно воскликнул Леха.

– Сигнал? Какой сигнал? Кому?

– Вам! Вам, Лидия Павловна. Мама, я жив! Вот какой сиг-

нал!

– Алешенька, ты и вправду так думаешь?

– Ну да! Запросто!

– Да, да, наверное, ты прав. Недаром же я сразу почувствовала, как только этот бумажник увидела, что он жив, мой мальчик.

– Лидия Павловна, а кто он по профессии, ваш сын? – осведомился Гошка.

– Фотограф. Блестящий фотограф.

– А где он работает?

– Он свободный художник.

– А что это тут никаких этих штук нет? – любопытствовал Леха.

– Каких штук? – не поняла Лидия Павловна.

– Ну, всякой там аппаратуры...

– У Толи есть мастерская. Он там работает. Да и живет.

– Мастерская? У моей мамы тоже есть мастерская, – сообщил Гошка.

– А кто твоя мама?

– Художница.

– Ой, вы, конечно, извините, но только вы уверены, что ваш сын не в мастерской? Мало ли что бывает: загулял человек, выпил лишнего... – предположил Шмаков.

– Леша, ты меня совсем за старую дуру считаешь? Конечно, первое, что я сделала, – я поехала в мастерскую.

– И что?

– Ничего.

– Там все было как всегда?

– Абсолютно. А что это вы меня прямо как следователи спрашиваете?

– Да нет, что вы, – смутился Гошка. – Просто я думал...

– Ладно, мальчики, вот вам на всякий случай мой телефон, и я тоже запишу ваши номера.

Обменявшись телефонами, они простились с Лидией Павловной и молча вышли из подъезда.

– Ну, что скажешь? – начал разговор Шмаков.

– Что ты хочешь услышать?

– Чего делать-то будем?

– С чем?

– Гошка, кончай придуриваться. Надо шукать мужика-то.

– Где нам его шукать, Леха?

– Ты то место найдешь, где лопатник лежал?

– Найду.

– Тогда сейчас туда и двинем, пока еще не совсем стемнело.

– Давай, – пожал плечами Гошка. – Хотя столько времени прошло, если бы и было...

– Там люди ходят?

– А ты думал? Конечно, ходят, хотя...

– Что?

– Понимаешь, это у самого сквера было, может, в кустах что завалилось... Ладно, попытка не пытка.

Гошка привел Шмакова на то место, где вчера нашел бумажник.

– Да, тут, конечно, бесполезняк рыскать, тем более мы не знаем, чего ищем, – почесал в затылке Леха.

Все же для очистки совести они тщательно осмотрели кусты, нашли несколько разных окурков, две смятые пачки от сигарет, оторванную пуговицу.

– Пуговицу надо взять! – решительно сказал Леха. – А вдруг это его пуговица?

– Даже если его, что это нам даст?

– Эй, парни, вы чего тут рыщете? – раздался незнакомый мужской голос.

Они подняли головы.

Перед ними стоял мужчина средних лет в теплой куртке и кожаной кепке.

– А что, нельзя? – произнес Шмаков.

– Почему нельзя? Можно, даже нужно! – с улыбкой ответил мужчина, показавшийся вдруг Гошке знакомым.

– Чего? – удивился Леха.

– Да я тут вчера бумажник потерял... Выпил немного лишнего, ну и вот... Потерял.

– Мы не видели! – решительно сказал Гошка. «Откуда я его знаю? Откуда?» – стучало у него в мозгу.

– А заработать хотите?

– Чего заработать-то?

– Если вдруг найдете бумажник, уж будьте любезны вернуть, а? Я вам заплачу!

– Сколько? – сурово спросил Шмаков.

– Не бойся, не обижу! Понимаете, парни, у меня там паспорт одного моего корешка был... и водительские права... хрен с ним, с бумажником, да и деньги дело наживное, но вот документы чужие... Сами понимаете...

– Да мы тут все уже облазили. Я ножичек классный посеял, и нету. Был бы бумажник...

– Мы поищем, вы не волнуйтесь, – мило улыбнулся Гошка. – Но как нам с вами связаться, если вдруг найдем?

– Да я тут недалеко живу и каждый вечер гуляю с собакой. Я бы вам телефон свой дал, но не хочу, чтобы меня жена поедом ела. Она и так все твердит: не пей, не пей, а что делать, если от этой жизни душа горит...

– А вы в котором часу гуляете? – поинтересовался Гошка.

– С девяти до десяти, каждый вечер, в любую погоду...

– Понятненько-понятненько, – улыбнулся Леха, – вы не сомневайтесь, если найдем, не зажимим. Нам чужое без надобности.

– Вот и чудесно, молодцы ребята. Я на вас надеюсь.

– А какая у вас собака? – спросил вдруг Гошка, что-то смутно припоминая.

– Французский бульдог. Ну, я пошел. До свидания.

«Французский бульдог? Ну, конечно же, это тот самый тип! Просто в теплой одежде его не так легко узнать».

– Гошка, ты чего? – спросил Леха.

– Леха, мне это ужас как не нравится!

– Почему? Здорово! Только сунулись, а уже на след напали.

– И на какой след!

– Чего?

– Я этого мужика знаю. Он преступник, настоящий, он связан со всякими убийцами... И он искал бумажник Горенича, значит, явно связан с этим делом.

– Ну, это и самому плохонькому ежику понятно. Но откуда ты его знаешь?

– Помнишь, когда Ксюха под скамейку залезла?

– Ну?

– И разговор двух типов подслушала?

– Блин! Так это тот посредник, да?

– Именно!

– Охренелушки! Но это же здорово. Гошка, такие возможности открываются...

– Какие возможности, ты что?

– Гошка, какой самый короткий путь между двумя точками?

– Прямой, ясное дело.

– То-то же!

– Шмаков, ты что надумал?

– Выпросить у мамашки Горенича лопатник, можно без денег и даже без паспорта, и пойти к этому дядьке...

– И что нам это даст?

– Поглядим...

– Леха, это не шутки, тут надо сто раз взвесить...

– Семь раз отмерь, да?

– Да, именно, и не семь, а все семьдесят. Кстати, как ты считаешь, зачем ему бумажник понадобился?

– Наверное, чтобы следы замести, – предположил Леха.

– Ничего себе замел! Наоборот, только внимание привлек.

Нет, тут что-то другое. Ему не бумажник нужен, а то, что в бумажнике. И это, Леха, не паспорт и не деньги!

– А разве там еще что-то было?

– Было, Леха, было!

– Что?

– Бумажка с какими-то буквами и цифрами. А если это так...

– Тогда что?

– Тогда его матери, Лидии Павловне, может грозить опасность. Эх, черт, надо было предупредить, чтобы она ни одной живой душе про найденный бумажник не обмолвилась.

– Поздно, брат, боюсь, она уже раззвонила про это...

– Да, история закручивается неслабая... Я так и знал. Разрядом Тягомотина крутилась, жди беды.

– Ты сдурел? При чем тут Тягомотина?

– Ага, сдуреешь тут. Как теперь быть-то?

– Для начала, Гошка, давай позвоним Лидии Павловне и попросим никому про это не говорить, про лопатник то есть.

А завтра надо собраться всей компанией и помозговать хорошенько. Два башки хорошо, а пять лучше.

– Шесть, – поправил его Гошка. – Про Маньку забыл?

– Точно, про Маньку забыл, дуrolом, она, кстати, хоть и младше, а соображает будь здоров.

– Леха, пошли ко мне, позвоним, не с улицы же по такому случаю звонить...

– Ага, пошли! У тебя супчику не осталось?

– Осталось.

Телефон Лидии Павловны был долго занят.

– Впечатлениями делится, черт бы ее побрал, – ворчал Леха. – А потом тюкнут старушку – и привет. И чего у баб язык как помело? Ну кто ее просил делиться с кем ни попадя?

– Леха, не бухти! Может, она никому ничего и не сказала еще?

– Ага, как же! За каким хряпом она тогда на телефоне висит?

– Может, и к лучшему...

– К лучшему? Как это? – недоуменно спросил Леха.

– Понимаешь, тут надо очень осторожно говорить, чтобы не напугать старушку до смерти.

– Да, оно, конечно... А уж под каким предлогом бумажник у нее назад попросить, я и вовсе не представляю.

– Я, Леха, думаю, надо ей все рассказать, как есть.

– А бабьи вопли-сопли не начнутся?

– Могут, конечно, хотя... Мне показалось, она тетка не

робкого десятка.

– Тогда, как дозвонишься, сразу попроси ее, чтобы...

– Ага, есть! Лидия Павловна? Здравствуйте еще раз, это Гоша говорит, мы у вас сегодня были...

– Да-да, Гоша, я тебя узнала. Что скажешь?

– Лидия Павловна, вы понимаете, мы тут еще кое-что узнали...

– О Толе?! – воскликнула она.

– Ну, не о нем, а... Короче, вы пока, если можно, ни одной живой душе не говорите, что бумажник нашелся.

– Почему?

Гоша замялся.

– Гоша, в чем дело?

– В том, что за бумажником идет охота... И лучше, чтобы никто пока про это не знал.

– А я уже сказала.

– Кому?! – в ужасе закричал Гошка.

– Своему брату.

– А он...

– Нет-нет, брат не станет болтать, но я все-таки его предупрежу. Гоша, я понимаю, по телефону такие вещи лучше не обсуждать...

– Вот-вот, я сам хотел попросить у вас разрешения приехать к вам завтра, поговорить.

– Ну, конечно, какие могут быть вопросы? И чем раньше, тем лучше.

– В девять утра вас устроит?

– Прекрасно!

– А сегодня... Вы никого чужого к себе не пускайте, под каким бы предлогом к вам ни явились.

– Ты думаешь...

– Нет, я думаю, что пока вам нечего бояться, я это так сказал, на всякий случай.

– Хорошо, я жду вас завтра.

– До свиданья!

Гошка повесил трубку.

– Знаешь, Леха, с ней нам, кажется, повезло. Клевая тетка. Значит, с утра мы подадимся к ней, а после школы соберемся всей командой.

– Хорошо бы она нам лопатник дала, мы бы подлезли к тому типу... А бумажку подменим.

– Чем?

– Как чем? Другой бумажкой, с другими цифрами.

– Нельзя с другими... Мало ли что, может, мы только навредим этому Гореничу. Но переписать все или отксерить нужно. Леха, я вот что думаю, какие шифровки могут быть у фотографа, а?

– А может, шифровка тут и ни при чем? Может, они какую-то фотку ищут, а? Может, он кого-то заснял тайком, а они теперь это ищут?

– Понимаешь, Леха, в таких случаях обычно не фотки ищут, а пленку. Но пленку в бумажниках не носят.

– Точно! Ты, Гошка, здорово сечешь в таких делах... Слышь, а может, нам пока самим действовать, а? По крайней мере без девчонок? Никитосу твоему надо звякнуть, у него котелок потрясно варит.

– Нет, Леха, это нехорошо, они обидятся.

– Я же не предлагаю вообще все от них скрыть, но пока... чего на ночь глядя людей шебаршить? Пусть спят себе, спокойно в школу шкандыбают, а уж потом...

– Вот это мудро, Леха. Они, конечно, поймут, когда мы на уроки не явимся, что у нас какое-то дело, и сами нас будут отлавливать.

– Звони Никитосу!

– Ладно.

Однако Гошкина тетя, Ольга Александровна, сообщила, что ее сын Никита болен, у него тяжелый грипп, высокая температура и она даже не подумает звать его к телефону.

– Во, значит, не судьба, – решил Шмаков, – выходит, нам самим надо со всем справиться.

На том и порешили.

Глава 3

Меры предосторожности

Рано утром мальчики помчались к метро. И были очень рады, что их не засек никто из соседей или одноклассников.

– Леха, как тебе кажется – там все нормально?

– Где? У этой тетеньки?

– Ну да.

– Думаю, нормально, если она не набрехала, что только с братом поделилась. Вряд ли ее брат главный в этом деле и сразу наведет бандитов на родную сестру. Мне, Гошка, покоя не дает одна мысляха... Почему они еще не наведались в его мастерскую, а?

– Может, уже наведались?

– Проверить бы...

– Как?

– Надо так мозги старушке запудрить, столько лапши на уши повесить, чтобы она вместе с лопатником дала бы нам ключи от мастерской.

– Ага, держи карман шире! Одно дело – отдать нам практически пустой бумажник, и совсем другое – ключи от мастерской. Кто мы такие?

– Соображаешь, – вздохнул Леха, признавая Гошкину правоту.

– Мы, конечно, если она нам доверится, могли бы попросить ее еще разок туда наведаться и заодно захватить нас.

– А что? Запросто! – возликовал Шмаков. – Самое оно!

Когда они подошли к знакомой двери тамбура, у Гошки от волнения даже дыхание перехватило. Но Лидия Павловна как ни в чем не бывало открыла им дверь и провела в квартиру, предложила раздеться и спросила:

– Вы завтракали?

– Да, спасибо. Лидия Павловна, тут такое дело... – начал Гошка.

– Ну говори же, не бойся, я не такое уж хрупкое создание. Что вы еще узнали?

И Гошка рассказал во всех подробностях о том, что произошло вечером. По мере возможности описал внешность мужчины.

– Вы такого не знаете?

– Нет, кажется, нет, – покачала головой Лидия Павловна. – Боже мой, во что впутался Толя? Я ничего, ровным счетом ничего не знаю о его делах. Я думала, что у него все нормально, он всегда меня уверял, что беспокоиться не о чем. Только он жив, это я знаю... Чувствую. Жив... пока жив.

– Лидия Павловна, – осторожно начал Леха, – а вы не могли бы дать нам ваш лопатник?

– Что это такое?

– Бумажник, – поправился Леха.

– Бумажник? Зачем?

– Понимаете, мы бы принесли тому мужику, который его шукал, и сказали бы, вот, дяденька, мы нашли...

– Зачем это? Ты с ума сошел, разве можно?

– Не можно, а нужно! Мы бы тогда поглядели, как и что.

– Нет, я не позволю вам! Вы еще дети... Кроме того, это нам ничего не даст. Ничего! Ну, возьмет он у вас бумажник, допустим, даже заплатит вам что-то, но неужто вы полагаете, что он станет с вами чем-то делиться? Нет, ни в коем случае! Вот если бы незаметно за ним проследить... Узнать, где он

живет...

– Это мы и так знаем, – заметил Гошка.

И тут же он понял, что Лидия Павловна права. Идти на открытый контакт с этим типом опасно, он ведь может что-то сопоставить и вспомнить, что двое мальчишек сыграли роковую роль в судьбе его знакомых, киллера Усольцева и художника-убийцы Шишмарева. Прятаться от него, разумеется, не стоит, но и лезть на рожон тоже глупо, а вот последить за ним не мешает.

– Я сперва подумала, что надо бы в милицию заявить, учитывая новые обстоятельства, но понимаю – бессмысленно это. Не станут они искать Толю. Слишком мало времени прошло.

– Лидия Павловна, мы попытаемся сами... – вырвалось у Гошки.

– Попытайтесь сами?

– Да, попробуем.

Гошка ждал возражений, но Лидия Павловна молчала, дымя сигаретой и уставившись в одну точку. Потом она вдруг словно очнулась.

– Да, правильно, мы сами, – проговорила она. – Мы попробуем вместе. Старуха и дети привлекут куда меньше внимания, чем милиция. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Вы что, серьезно? – удивленно пробормотал Гошка.

– Разумеется. Я же мать... У меня один сын, он в беде,

так неужели я буду сидеть сложа руки? А вам я поверила. К тому же я в вашем возрасте тоже играла в сыщиков. Мы тогда даже поймали одного преступника, и нам объявили благодарность.

Мальчики потрясенно взирали на Лидию Павловну.

– И у вас тоже, судя по всему, уже есть кое-какой детективный опыт, да?

– Кое-какой есть, – кивнул Гошка. – А еще у нас есть подруги, они с нами, и еще мой двоюродный брат, Никита, только у него грипп...

– Боже мой, да тут целая компания! – всплеснула руками Лидия Павловна. – И они уже все знают?

– Нет, пока знаем только мы, – сказал Леха. – Но стоит только свистнуть...

Лидия Павловна задумалась.

– Нет, мальчики, – сказала она немного погодя, – я не имею морального права вовлекать вас в эту историю: вы дети, а это опасно. Нет и еще раз нет.

Мальчики переглянулись. А потом Гошка решительно заговорил:

– Лидия Павловна, вы ни во что нас не вовлекаете, скорее наоборот. И потом, кто-то должен помочь вам и вашему сыну! Милиция не хочет или не может, не знаю, но мы-то можем и хотим! Я не говорю, что мы какие-то необыкновенные, на все способные, нет, мы самые нормальные ребята и хотим попробовать... помочь вам, раз уж так судьба рас-

порядилась. И мы вовсе не намерены лезть на рожон, изображать из себя невесть каких героев, ничего подобного. Мы просто потихонечку последим за тем типом, вдруг что и выясним. Только и всего. И, конечно, мы ничего не гарантируем. У нас ведь может ничего не получиться. Но попробовать надо, и мы попробуем в любом случае, даже если вы откажетесь иметь с нами дело. Вот...

Лидия Павловна улыbnулась:

– Нет, я не откажусь иметь с вами дело. Вы – моя последняя надежда.

– Хорошо, – кивнул Гошка, – но в таком случае нам от вас кое-что понадобится...

Леха испуганно взглянул на Гошку. Что он еще выдумал?

– Слушаю тебя, – тихо проговорила Лидия Павловна.

– Первым делом нам нужна какая-нибудь фотография вашего сына.

– Да-да, разумеется, это не проблема. Я вам найду хорошую...

– Во-вторых, скажите, кроме вас, есть кто-то близкий у вашего сына? Жена, подруга?

– Есть бывшая жена и дочка. И подруга тоже есть.

– Дочка? – встрепенулся Гошка. – А сколько ей лет?

– Девять. А что? – испугалась вдруг Лидия Павловна. – Ты думаешь, ей может что-то угрожать?

– Кто его знает. Лучше подстраховаться.

– Но как? Лерочка живет с матерью.

– Позвоните на всякий случай, предупредите, – посоветовал Леха.

– Это невысказано, они там поднимут панику. Нет уж. Я лучше просто сейчас же съезжу к ним.

– А она у вас часто бывает, ваша внучка?

– Увы, очень редко.

– Значит, у вас ее вряд ли будут искать?

– У меня? Ты предлагаешь поселить ее пока у меня? – удивилась Лидия Павловна.

– Нет, это не годится, – покачал головой Шмаков. – Бабушка и есть бабушка, у бабушки в первую очередь шукать станут.

– Господи, с кем же это Толя связался! Если ребенка похитить могут. Вот несчастье так несчастье. Что же делать?

– Думаю, вам все же стоит поехать к внучке и поговорить с ее мамой, может, она что-то сама придумает, куда девать девочку. Кстати, у нас начинаются осенние каникулы, и мы могли бы ее охранять по очереди, – сообразил вдруг Гошка.

– Слышь, Гошка, Сани-Манина мама сейчас в Москве? А то можно было бы там девочку спрятать, – сверкая глазами, проговорил Леха. – Самое милое дело, под носом у бандита!

Вид у Лидии Павловны был смятенный. Страх за внуку оказался куда сильнее других страхов.

– Знаете, ребята, я что-то перестала вдруг соображать. Я должна первым делом позаботиться о внучке: она же совсем ребенок, и если с ней по вине ее отца что-то случится... Да-

вайте сделаем так: сейчас я туда поеду, а потом мы созвонимся и все решим, как быть дальше. Вдруг Настя, ее мама, что-то знает о Толе. Или о его делах. Хотя это маловероятно, скорее уж Наташа...

– Какая еще Наташа? – вырвалось у Шмакова.

– Подруга Толи. Я, правда, с ней мало знакома. Она мне не слишком нравится, но поговорить с нею можно будет.

– А она... Она не искала вашего сына? – спросил вдруг Гошка.

– Нет. Она не искала. И это, кстати, странно... Господи, у меня голова кругом идет. Неужели ты думаешь, она как-то причастна к исчезновению Толи?

– Необязательно. Просто они могли и ее тоже похитить.

– Господи помилуй! – простонала Лидия Павловна. – За что эти муки? Как же это выяснить?

– А вы знаете ее телефон?

– Нет. Чего не знаю, того не знаю.

– И адреса не знаете?

– Нет, я полагаю, что в последнее время она жила у Толи в мастерской...

– Так позвоните туда!

– Да, верно. Я что-то совсем растерялась. Кстати, я ведь была там позавчера, но Наташи не застала.

– А вещи? Вещи ее там вы видели? – завопил Шмаков.

– Не обратила внимания. Я была так взволнована, что вообще напрочь о ней забыла.

– Лидия Павловна, хорошо бы еще разок туда наведаться, – с тяжелым вздохом произнес Гошка.

– Куда? В мастерскую?

– Конечно.

– Когда?

– Ну, чем скорее, тем лучше.

– Нет, сейчас главное – Лерочка. Все остальное потом. Сейчас все-таки утро, мы успеем туда, правда?

– А ваша внучка далеко живет?

– У метро «ВДНХ».

– Знаете, мы поедем с вами на всякий случай.

– Нет-нет, не нужно! Вы лучше поговорите с вашими девочками, может, и вправду их помощь понадобится. А я, как вернусь, позвоню вам.

– Хорошо, – согласился Гошка, – только давайте вот что сделаем... Вы позвоните еще разок в мастерскую – вдруг застанете Наташу.

– Да-да, верно.

Лидия Павловна набрала номер и долго держала трубку возле уха.

– Нет, там никто не отвечает. Господи, неужели еще и Наташа пропала?

– А она работает где-нибудь, эта Наташа? – сообразил Леха. – Может, она ушла на работу?

– Да-да, конечно, она работает редактором в каком-то издательстве, ты прав, а я совсем умом тронулась.

– А в каком именно издательстве, вы не помните? – взмолился Гоша.

Ему казалось, что именно Наташа сможет пролить свет на эту таинственную и запутанную историю.

– Я не помню, – покачала головой Лидия Павловна.

– Неужели она вам никогда ни одной книжки своего издательства не дарила? – спросил вдруг Леха.

– Что? – Лидия Павловна подняла голову и как-то странно посмотрела на Леху. – А ведь действительно... Я сейчас...

Она вышла в другую комнату и вскоре вернулась с довольно толстой книжкой в ярком переплете.

– Вот! Издательство «Тритон», а фамилия ее Кулакова. Видите, написано: «Редактор Н. Кулакова».

– Замечательно, просто прекрасно, мы постараемся ее найти, – сказал Гошка. – Разыщем телефон издательства и выясним все, что удастся.

– Да, да, вы просто молодцы, мальчики, но сейчас я должна, я просто обязана ехать к Лерочке, это сейчас самое главное...

– Мы уже уходим.

– Давайте выйдем вместе.

– Нет, Лидия Павловна, не стоит, чтобы нас видели вместе, вдруг за вами будут следить...

– Господи, но, если за мной будут следить, я прямиком приведу их к внучке...

– Действительно... – почесал в затылке Леха. – Но это

можно проверить.

– Как?

– Легко! Вы выйдете одна, а мы пойдём за вами на расстоянии, и, если какой-нибудь сволочуга за вами увяжется, мы обязательно заметим и уж сумеем вам сообщить. Тогда вы сделаете вид, что вышли просто что-то купить, и мы что-нибудь придумаем другое.

– Правильно, Леха, – одобрил друга Гошка. – Самое милое дело.

– Ну что ж, видно, другого выхода нет, – с горечью проговорила Лидия Павловна.

Через десять минут из подъезда вышла пожилая дама и медленно направилась к троллейбусной остановке, а Гошка и Леха в окно на лестничной клетке наблюдали за ней, но ничего подозрительного не заметили и быстро выскочили на улицу. Лидия Павловна ждала их в условленном месте. Они подали сигнал, мол, пока все спокойно, и она продолжала свой путь, а они на почтительном расстоянии следовали за нею. Она доехала до метро, но слезки явно не было. В метро они спустились вместе, но держались на некотором расстоянии. Проследив, как Лидия Павловна села в поезд, они с облегчением вздохнули.

– Да, неслабая история, Гошка. Ну, чего теперь?

– Едем ко мне и попытаемся найти Наташу.

– Ну допустим, мы ее найдем, и чего?

– Договоримся с ней о встрече.

– А если она не согласится?

– Будем дальше думать.

– А если не найдем?

– Почему?

– А вдруг она в другое издательство перешла? Издательств теперь как собак нерезанных.

– Найдем! Человек – не иголка.

– Это, между прочим, как сказать...

– Да ну тебя, Леха, что ты заранее каркаешь?

– Я не каркаю, я это... ну, как называется... реальщик!

– Ты хочешь сказать – реалист? – засмеялся Гошка.

– Вот-вот, именно.

...Дома они первым делом позвонили в «09» и раздобыли телефон издательства. Потом очень долго дозванивались, все время было занято. А когда дозвонились, им дали другой номер, и они опять никак не могли дозвониться.

– Во трепливый народ, – ворчал Леха, – не работают, а только по телефону лялякают.

– Не ворчи, Шмаков, – попросил Гошка. – И так уже от гудков уши вянут.

– А я вот погляжу, как расцветут твои уши, когда выяснится какая-нибудь бяка.

– Какая еще бяка?

– Ну мало ли... И вообще, может, мы не тем занимаемся.

– А чем мы должны заниматься?

– А я знаю? Похоже, надо за тем мужиком следить, толку

больше было бы... Он-то уж точно с этим делом связан, а всяких там дамочек по Москве шукать...

Наконец Гошка дозвонился.

– Добрый день, могу я поговорить с госпожой Кулаковой? – изысканно вежливо спросил он.

– А она в отпуске.

– В отпуске? – крайне удивился Гошка. – Давно?

– Да уже дней пять, наверное.

– Спасибо. Извините.

– Ну так я и знал! – с досадой закричал Леха. – Она в отпуске! Я просто чуял, что тут будет бяка!

– Действительно... И что это значит?

– Тут какая-то подлянка!

– Какая подлянка?

– Она небось нарочно отпуск взяла и куда-нибудь свалила, чтобы ее дружки на свободе этого Горенича прощупали.

– Ты хочешь сказать, похитили?

– Гошка, а может, они его не похитили? Может, он сам от них скрывается?

– А бумажник?

– Что бумажник? Что бумажник? Да сам его потерял...

– А откуда тот тип про это знает?

– Ой, черт! Слушай, Гошка, я вот чего подумал: надо бы его как-то пугнуть... Мужика этого.

– Как? Зачем?

– Как – еще не придумал, а зачем – и ежику понятно. Что-

бы задергался, занервничал...

– Не уверен, что это хоть что-то даст.

– А вообще-то, Гошка, тухлое это дело, ох тухлое! И одно бабье кругом.

– Какое бабье?

– Мамашка, бывшая жена, дочка, подружка какая-то подозрительная. Редакторша в отпуске, блин!

– А по-твоему, редакторша в отпуск уйти не может?

– Нормальные редакторши в это время в отпуск не уходят, в ноябре.

– Дурак ты, Лешка, в ноябре тоже можно хорошо отдохнуть.

– Ага, где-нибудь на Канарах, да?

– А почему бы и нет?

– А на какие шиши?

– Ну, Леха, это уже ты ерунду городишь. Может, ей этот Горенич сам денег дал. Или папа с мамой, да и вообще...

– Нет, мне эта Наташа определенно не нравится. Тухлая баба.

– Нельзя так заранее себя настраивать, Леха. Ничего хорошего из этого не выйдет. Кстати, вдруг она никуда и не уехала, сидит себе дома и слезами умывается. Может, они вместе с Гореничем куда-то собрались поехать, а он возьми и пропади.

– А я вот чего подумал, Гошка: кому на фиг этот фотограф понадобился и зачем?

– Мысль, конечно, интересная, но не слишком свежая... – усмехнулся Гошка. – Мы это уже обсуждали.

Внезапно зазвонил телефон. От неожиданности оба вздрогнули.

– Не подходи, – зашипел Леха. – Вдруг твоя мать проверяет, не прогуливаешь ли ты!

– Да ты что, маме это и в голову не вскочит.

Он схватил трубку:

– Алло!

– Гошка? Привет, это Маня!

– Привет, Маняша. Ты где?

– У нас физичка и географиня заболели, представляешь, какой кайф! А ты тоже заболел? Сашка сказала, что тебя не было и Лехи тоже, вот мы и подумали, что у вас какие-то дела.

– Мань, а Саша дома?

– А что, она тебе нужна? – ревниво осведомилась Маня.

– И она, и ты, и Ксюха.

– У вас что, опять что-то?

– Маня, мы с Лехой вас ждем, надо поговорить.

– Да? А Никита?

– Никита заболел. Короче, подваливайте ко мне, чем скорее, тем лучше.

– Да, бабье, бабье, кругом бабье! – поморщился Шмаков.

Глава 4

Что делать?

Когда девочкам рассказали всю историю с самого начала, Ксюша спросила:

– Гошка, а ты бумажку переписал хотя бы?

– Переписал, а что толку?

– Покажи!

Гошка подал ей бумажку.

– У меня есть идея...

– Какая?

– Надо ее немножко переделать, ну там цифры местами поменять, буквы...

– Зачем это? – вмешался Леха.

– Чтобы показать ее тому дядьке. Он вечером пойдет гулять с собакой, а вы подойдите к нему и скажите, вот, мол, нашли только какую-то бумажку.

– И что? – вырвалось у Гошки.

– А то, что вы сразу поймете, за чем они охотятся. Если не за этой бумажкой, то он на нее и не взглянет.

– А что это нам даст? – полюбопытствовала Маня.

– Кое-что даст все-таки, – стояла на своем Ксюша. – Во-первых, мы пойдем, из-за чего весь сыр-бор... А во-вторых, завяжется какой-то разговор, может, он вам свой телефон-

чик даст или даже какое-то поручение.

– Насчет поручений – это вряд ли, – покачал головой Гошка, – а вот записку показать можно.

– Эй, послушайте, записку можно показать, но только совсем-совсем другую, не с какими-то там цифрами-буквами, а самую обыкновенную записку, допустим, любовную, – затараторила Маня.

Все с любопытством на нее уставились, ожидая объяснений.

– Как вы не понимаете, – горячилась девочка, – если показать ему переделанную записку, он сразу что-нибудь заподозрит. Откуда мы знаем – вдруг он сразу заметит подделку? И тогда может такое начаться! Пострадает и ваш этот Горыныч...

– Горенич, – машинально поправил ее Гошка.

– Ладно, какая разница, Горенич или Горыныч, главное, что он может пострадать, и потом, этот дядька сразу вас раскусит. Смекнет, что вы с ним в какие-то игры играете.

– Да, Маня права, – поддержала ее Саша, старшая сестра.

– Точняк, – кивнул Леха. – Тогда нам кранты!

– Ну так лучше вообще к нему не соваться, – проговорила Саша.

– Да нет, пожалуй, сунуться стоит, только надо придумать какой-нибудь нормальный текст, чтобы он не подумал... – сказал Гошка.

– Нет, не надо никакого текста! – закричала Ксюша. – У

меня дома есть куча бумажек, на которых пулю писали.

– Пулю? Какую пулю? – подняла брови Саша.

– Это когда играют в преферанс, ведут записи, – объяснил Гошка. – Да, Ксюха, это здорово. Он нас за полных придурков примет, а это очень полезно.

– И не опасно ни для кого! – воскликнула Маня, больше всего беспокоившаяся о Гошкиной безопасности.

– Значит, решено, – подвел итог Гошка, – Ксюха принесет записку, а мы с Лехой вечером смотаемся в сквер, к тому дядьке.

– Слушайте, а у меня еще одна мыслюндия родилась... – перебил его Леха.

– Мыслюндия? – рассмеялась Саша.

– У народа, у языкотворца, появился новый подмастерье! – вдохновенно продекламировала Маня.

Все удивленно на нее посмотрели.

– Чего уставились? Это я Маяковского переделала. У него есть стихи «Сергею Есенину». «У народа, у языкотворца, умер звонкий забулдыга подмастерье».

– Манька, у тебя новая фаза началась? – засмеялась Ксюша. – Раньше ты сама стишата лудила, а теперь классиков переделываешь?

– Ничего я не лудила! – оскорбилась Маня. – И вообще отвяжитесь от меня.

– Да нет, Маня, что ты, у тебя просто клево это получилось, насчет подмастерья, – успокоил ее Гошка. – Кстати, ка-

кая там у тебя мыслюндия родилась, подмастерье?

– А я забыл, – смутился Леха, – вы как начали тут про поэзию дундеть, я сразу и увял.

– Цветочек наш нежный, увял он от нескольких строчек, давайте, подруги... Нет, не так! Наш нежный цветочек увял от трех строчек! – закричала Маня.

– Ну, Маня, это уже ближе к норме, – заметила с хохотом Ксюша.

– Наш цветочек Шмакодявый, белокурый и кудрявый! – уже несло по кочкам Маню.

– Заткнись, Малыга! – буркнул Леха. – Тут дело серьезное, а она...

– А она такая дура, все культура да культура...

– Манька, уймись! – прикрикнула на нее Саша, хотя все уже покатывались со смеху, даже Шмаков.

– Тихо, Манечка, уймись, замолчи, уйди, заткнись!

– Маня! – схватила ее за плечо и начала трясти Саша. – Это же глупо! Охота тебе выглядеть душой? Дело-то и вправду серьезное.

– Ладно, отвяжитесь. Я молчу!

– И отлично. Ну, Шмаков, ты вспомнил?

– Нет, забыл. Хоть убейте!

– Значит, не больно ценная была твоя мыслюндия, – заключила Ксюша.

– Кто ее знает, я не помню, – махнул рукой Леха. – Ну и фиг с ней.

– Погодите, надо поговорить серьезно, – начала Саша, – это не шутки: человек в беде. Пока только один, но их может стать больше.

– Между прочим, еще не факт, что эта самая Наташа тоже не угодила в лапы преступников, – заметил Леха.

– Ты же утверждал, что она сама преступница! – напомнил ему Гошка.

– Не исключено, между прочим.

– Дайте же сказать! – потребовала Саша. – Так вот, нас пятеро, начинаются каникулы, времени будет много, и мы должны действовать по трем направлениям. Первое – дядька с собакой, второе – мама и дочка этого Горенича и третье – Наташа.

Гошка смотрел на Сашу, слушал ее милый голос и соглашался с каждым словом, хотя она ничего особенного пока не сказала.

– Вообще-то нам очень нужен еще один человек, – заявила вдруг Саша.

– Какой еще человек?! – воскликнула Маня.

– Вместо Никиты, чтобы было три пары. В одиночку никто не должен действовать. Это опасно и неэффективно.

– Но где взять этого человека? – развел руками Гошка. – Мы тут уже понимаем друг друга с полуслова, и Никита свой в доску, а посвящать еще кого-то... Кстати, Лидия Павловна собиралась нам помогать.

– Гошка, ты сдурел, да? – закричала Ксюша. – Рассчиты-

ваешь на помощь старушки? Она что, будет с Лехой на пару следить за дядькой и его псиной?

– Зачем глупости говорить? За дядькой мы сами проследим, а вот за своей внучкой она проследить может. И с Наташей, наверное, что-нибудь сообразит, так что чужой нам не нужен, – пришел к выводу Леха.

Саша слегка покраснела от досады, однако возражать не стала, а только спросила:

– Но наметить какой-то план действия мы должны?

– Да что толку во всяких планах? – взорвался Леха. – Планы вечно горят синим пламенем.

– Шмакодявый говорит – планчик пламенем горит, – вырвалось у Мани.

– Ну, как хотите, – пожала плечами Саша. – Была бы честь предложена...

– Саша, не обижайся! – воскликнул Гошка, испугавшись, что она сейчас уйдет.

– Я не обижаюсь, просто не понимаю, что, к примеру, мне делать в этой ситуации?

– Я знаю! – подала голос Маня. – Мы с тобой поедem в это издательство и там попробуем что-то разузнать о Наташе.

– А что? Это не так уж и глупо, – одобрила предложение Ксюша. – Вот только теперь во всех издательствах охрана, вас могут туда просто не пустить.

– Да, действительно, – кивнул Гошка, – я тоже слышал, что в издательство просто так не пройдешь.

– Тогда я пойду одна, и меня уж точно пропустят! – заявила Маня.

Все опять с интересом на нее уставились.

– А что вы на меня вылупились? Я возьму тетрадку со стихами...

– С какими стихами? – испугалась Саша.

– С любимыми! Перепишу в тетрадку разные стихи, покажу охраннику, он не разберется, мои это стихи или, допустим, Анны Ахматовой...

– Ну, Малыга, ты даешь! – помотал головой Леха.

– Я покажу ему стихи, скажу, что хочу проконсультроваться...

– И что дальше? – поинтересовалась Саша.

– Он меня пропустит, а я сделаю вид, что ищу Кулакову, ну и что-нибудь о ней разузнаю...

С каждым словом в голосе Мани слышалось все меньше уверенности.

– Нет, наверное, это глупо, – сказала она.

– Молодец, сообразила, – улыбнулась Саша.

– Но как же быть?

– Надо попытаться по телефону...

– Нет, – решительно сказал Гошка, – пока не будем ничего делать, лишняя суета только вредит.

– Спятил, да? – покрутил пальцем у виска Шмаков.

– Я не спятил и не сбрендил, вечером мы с тобой все-таки пойдем в сквер, покажем Ксюхину бумагу, поглядим на ре-

акцию, ну и вообще потусуемся там с ним. Да еще дождемся звонка Лидии Павловны, и там видно будет. Зачем зря тратить силы и время?

– Я согласна с Гошей! – заявила Саша.

Ее слова музыкой прозвучали для него. И Маня это заметила.

– Соглашаться с Гошкой можно, только очень осторожно! – выпалила она.

– Маня, хватит, – поморщилась старшая сестра.

Ксюша тем временем сбегала домой и принесла листок с записью партии в преферанс.

– Во! То, что надо! – обрадовался Шмаков.

– Только вы, ребята, извальнойте ее в грязи, – посоветовала Саша, – для правдоподобия.

– Точно! Я сейчас сбегаяю, извальнойте, пусть до вечера высохнет, мы же скажем, что нашли вчера... – затараторил Ле-ха и, накинув куртку, выскочил на площадку.

В этот момент зазвонил телефон. Гошка схватил трубку.

– Это Гоша?

– Лидия Павловна? – сразу узнал ее голос Гошка.

– Да, я. Гоша, пока все в порядке. Они уезжают на каникулы в другой город.

– Отлично!

– А у вас никаких новостей?

– Есть кое-что. Наташа ушла в отпуск.

– Да? Странно вообще-то... Впрочем, я не знаю. Я попро-

бую сегодня ей дозвониться, а если ничего не выйдет, завтра утром наведаюсь в мастерскую.

– Только не ходите одна, мы пойдем с вами! – закричал Гошка.

– Хорошо. Согласна. Мне одной было бы не по себе. Спасибо вам.

– Где и когда мы встретимся?

– Давай часов в десять, прямо там, у мастерской. Запиши адрес.

– Минутку!

Гошка записал адрес и простился с Лидией Павловной.

– Гошка, а почему бы нам самим сейчас туда не смотаться, а? – предложил вдруг Леха.

– Зачем? Мы ж все равно в мастерскую не попадем.

– Понимаешь, эта Лидия старая, она небось устала, вот и отложила до завтра, а нам-то чего сидеть сложа руки, если мы адрес знаем?

– Правильно, Леха! – поддержала его Ксюша. – Поехали прямо сейчас!

– Всей кодлой, что ли? – удивился Гошка.

– Ну и что? Меньше подозрений вызовем, если что.

– Поехали, поехали! – завопила Маня. – Вдруг эта Наташа дома...

– Кстати, что будем делать, если она дома?

– На месте сообразим! – сказала Саша.

И Гошка согласился.

– А где эта мастерская находится? – поинтересовался Леха.

– В Малом Кисловском переулке, – ответил Гошка.

– Где это?

– Я знаю! – сказала Саша. – Это недалеко от Арбатской площади.

Дом они нашли быстро. Проникнуть в подъезд тоже труда не составило, хотя там был и кодовый замок на первой двери, и домофон, но в подъезд вносили мебель, видимо, кто-то приобрел новый гарнитур, и двери стояли настежь.

– Повезло, – вздохнул Гошка. – Первая пруха в этом деле.

Они поднялись на последний этаж без лифта. Дверь нужной квартиры была на вид в полном порядке. Леха осторожно ее подергал. Она оказалась заперта. Только на не слишком новой обивке был прилеплен кусочек скотча.

– Ой, смотрите – записка! – прошептала Маня, нагибаясь.

Она подняла небольшой листок бумаги, на котором было написано: «Наташка, куда ты запропастилась? Я беспокоюсь. Позвони, не будь свинойхой. Рита».

– Значит, она все-таки куда-то пропала, – заключил Гошка и решительно позвонил в дверь.

Но, как они и предполагали, им никто не открыл.

Гошка отобрал у Мани записку и прилепил опять к двери.

– Мне все это не нравится. Надо не спускать глаз с нашего знакомого. Будем следить за ним все время.

– Легко сказать, а если он на машине?

– Машина у него есть, это точно, – вздохнул Гошка. – Но все-таки попробуем. Тем более он конспиратор, звонить по преступным делам ходит в автомат, помните, я тогда важный разговор подслушал? Авось и в этот раз что-нибудь удастся узнать.

– Но он же вас с Лехой знает как облупленных! – напомнила Ксюша.

– Да нет, как облупленных не знает, иначе он бы бежал от нас как черт от ладана. И потом, он знает Никиту, а не Леху.

– Но вы же собираетесь с ним сегодня встречаться, – заметила Саша. – Может, не стоит?

– Да нет, стоит. Надо только вечером одеться совсем иначе, не как обычно. Что-нибудь броское напялить, а потом вернуться к прежнему виду, и он не обратит на нас внимания.

– Интересно, между прочим, где такие броские прикиды взять, а? У меня лично ничего таковского нету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.